

Поэт Леонид Граве и его время

«Хорошенько осветите нижегородских людей, таких как Кулибин, Кашаников, Граве — талантливый был поэт, едкий, хорошие политические стихи писал, — покопайтесь у старожил».

Из речи М. Горького на совещании писателей-нижегородцев в Москве 28 августа 1934 г.

«Он, Граве, так же, как Венский, Красовский, Голиков и многие другие из группы людей, умели только надеяться, но мало способны делать; из тех людей с разбитыми надеждами, которые ждали, что народолюбцы опрокинут самодержавие».

Из письма М. Горького автору. Октябрь 1934 г.

«Большая худошавая фигура, обращавшая внимание, полуседы длинные волосы и борода, фетровая шляпа и какая-то развевающаяся черная альмавива. Фигура эффектная, напоминающая художника».

Так о Л. Г. Граве пишет Короленко, знавший поэта и оригинального человека в последние годы его жизни в Нижнем Новгороде.

В произведениях Горького Граве, как тип, не фигурирует, но ему наш писатель посвящает теплые строки «В людях»:

«Нередко в «Московском листке» встречаются стихи Леонида Граве, мне они очень нравятся, я списываю некоторые из них в тетрадку, но хозяева говорят на это:

— Старик, ведь, а стихи сочиняет...

— Пьяница, полоумный, ему — все равно».

Поле жизни и творчества Граве, неровное, в буграх и ухабах...

Род Граве, по данным близких поэту людей, — старинный, дворянский. Пред-

ки его — выходцы из Англии — в России появились в первой половине XVIII столетия. При Екатерине, один из предков Граве был врачом. Отец Граве — тамбовский помещик, а мать — Е. П. Стремоухова — нижегородская дворянка. Родился Граве в 1839 году в городе Елатье. Известен акт — протокол заседания общества любителей российской словесности 1859 года. На этом заседании было прочитано М. Н. Лонгиновым стихотворение Леонида Граве «Голландские плотины» — звучный гимн борьбе и труду человека.

На этом историческом заседании присутствовал цвет нашего славянофильства: Хомяков, Погодин, Шевырев, К. С. Аксаков, А. Н. Островский, в числе участников значится и Л. Н. Толстой. В протоколе отмечено: «гг. члены, с удовольствием выслушав сие чтение, делали свои замечания на означенную пьесу, отличающую в семнадцатилетнем стихотворце дарование, подающее надежду и на дальнейшее развитие».

Вскоре после рождения сына родители Граве разорились, и детство поэта протекло в бедности. С переездом в Нижний отец Граве вынужден был служить.

Получив домашнее образование, Граве в раннем возрасте проявил блестящие способности. У него была, между прочим, феноменальная память. Близкие и товарищи проверяли его память на таком примере. На особой бумажке писали до ста различных слов на всевозможных наречиях и часто несуществующих, выдуманных. Прочтя два раза написанное, Граве повторял содержание бумажки на память, приводя

слова в порядке записи. В тринадцать лет он уже писал хорошие по форме стихи, в них звучат резкие, определенные гражданские мотивы, повидимому, заимствованные у лучших мастеров.

Так, в обращении к товарищу он говорит:

Но час придет, ударит гром.

Восстанут спящие народы.

И смело станешь ты с мечем

Под светлым знаменем свободы...

С настоящей жизнью, ее ужасами поэт столкнулся несколько позднее.

В 1860 году Граве поступил в Казанский университет, а в 1861 году был уволен из последнего, как активный участник общественного протеста — панихиды по расстрелянным крестьянам села Бездны. 16 апреля 1861 года в Казани, на Арском поле, состоялась демонстративная панихида по крестьянам, убитым правительственными войсками в с. Бездне, Спасского уезда, во время волнения, вызванного толкованиями манифеста и положения 19 февраля. Народу на панихиде было много, преобладала учащаяся молодежь. Героем демонстрации был бакалавр Казанской духовной академии А. П. Щапов, который произнес яркую революционную речь. На панихиде должны были участвовать А. С. Гацисский и Л. Г. Граве — студенты-нижегородцы. Гацисский пошел, но вернулся с дороги, заявив:

— Поразмыслив хорошенько, пришел к убеждению, что эта панихида политическая, а не церковная, а у церкви с политикой не может быть ничего общего.

Л. Г. Граве принял участие в панихиде, за что и был уволен из университета.

Казанские события нашли известное отражение в ряде стихотворений (1861—1863 г.). Гражданские мотивы — это уже подлинные личные переживания Граве.

«Кровь, темницы и могилы», упоминаемые в стихах этого периода, конечно не риторика, а действительность, свидетелем, вернее, участником которой был поэт.

Окончен бой. Ты победил, Зевес.
Лишь я один не принесу молитвы,
Не преклонюсь, о, деспот, пред тобой.

Все тот же я, как в час ужасной битвы,
Твой гордый враг, бестрепетный герой...

* * *

И я упал. Порыв свободный сила
Превозмогла. Открылась надо мной
Бездонная горячая могила,
Но я, Зевес, не сокрушен тобой...

Подводя итоги событиям молодости, омраченным жестокостью — казнями, каторгой, переживая настроения беспомощных, темных крестьян, расстреливаемых по приказу помещиков такими же крестьянами-солдатами, Граве с понятным ужасом отмечает:

Тогда сильней, сильней вспоминанья
О вольных днях мне душу тяготят,
Но нет в груди ни вздохов, ни рыданья.
К чему они? Кого они смягчат?
Закон людей не знает состраданья,
А к небесам мольбы не долетят.

Во второй половине 60-х годов Граве был вызван матерью в Нижний. Вернувшись с аттестацией неблагонадежного, недоучившегося студента, Граве с трудом нашел себе место писца в казенной палате. В дальнейшем в нем принял участие известный декабрист — нижегородец И. А. Анненков. У него Граве был вначале личным секретарем, а потом секретарем уездной земской управы. Женившись в 1870 году по любви на крестьянке Владимирской губернии, Граве бросает службу в земстве, как плохо оплачиваемую, и делается частным поверенным, продолжая писать стихи.

Выражая в довольно звучных стихах разнообразные настроения от гражданских тем до поэзии умерших «вишневых садов» и «дворянских гнезд» включительно, Граве, несмотря на всю эту пестроту взглядов и направлений, все же должен быть отмечен, как поэт истинного настроения.

Я падаю, я изнемог душой,
Но все ж во мне достанет вдохновенья,
Чтобы любви и истине святой
Прощальное послать благословенья.

Кроме оригинальных стихов, Граве, зная итальянский язык, перевел с подлинника стихи итальянца Леопарди. Всего им переведено семь песен этого поэта. Имеется плещеевский перевод Леопарди. В числе переведенных Граве только две песни имеются у Плеще-

ева, пять песен не имеют другого русского перевода, кроме Граве.

Выбор произведений Леопарди для перевода характеризует переводчика.

В призрачной мечте об иной жизни — прекрасной и свободной — Граве страдал, безнадежно тоскуя. В Леопарди для Граве сочетались как бы глубокое пессимистическое настроение с живым тяготением к красоте и свободе.

Не находя существенной его поэтическим настроениям среды, Граве, под влиянием житейских забот и неудач стал заметно опускаться «на дно» жизни. Он начал пить...

В общественных течениях 60-х и 70-х годов Граве не нашел ничего, кроме разочарования, и признал за лучшее погрузиться в пьяный угар, ища в последнем успокоения и утешения.

Судебные реформы, именуемые «великими», толкнули его на путь адвокатуры. По отзывам таких специалистов, как московский Плевако, Граве был талантливый защитник. Он, между прочим, охотно и с большим успехом вел крестьянские дела. В спорах крестьян с помещиками он становился на сторону первых, добивался результатов и в то же время как бы тяготился этой профессией, не находя, повидимому, и в «великих» реформах удовлетворения для своих душевных запросов и настроений.

Фрак надел и на судах

Вру я без умолку:

В адвокатстве — как в стихах,

Тоже мало толку...

откровенно признавался Граве в приятельской компании.

Такова судьба многих талантливых людей дореволюционного прошлого.

Следует набросать жизненный фон жуткого нижегородского прошлого; чтобы иметь право сказать вместе с твердокаменным нижегородцем Максимом Горьким по поводу старой нижегородской жизни, им пережитой и так талантливо отображенной:

— Тяжелое было время, но поучительное...

* * *

Вспоминается нижегородское детство, конец 70-х и начало 80-х годов. На окраине города, на бывшей Напольно-Замковой улице, за старым острогом, лицом в чистое поле стоит деревянный

дом Васильева. Наверху этого дома, в мезонине под крышей, живет чудной старик. Высокий, с длинной бородой, тонкий, в крылатке.

Вначале он пугал окольных ребят и своей фигурой, и крылаткой, и бородой, но почему то ребята быстро освоились и подружились со стариком. Суровый на вид, он привлекал их своей особой сердечностью, он любил детей, а дети прекрасно понимали, кто их любит.

Страшный старик был поэт — адвокат Граве.

В этом же доме был другой человек — юноша — барон Б. Этот барон, закончивший свои молодые дни в миллионке, фигурирует в пьесе «На дне». «Учился в Александровском дворянском институте», — говорит барон по пьесе.

Он дружил с Граве.

Граве искренне любил детей улицы, в свою очередь и дети платили ему искренней дружбой. С Граве дети не стеснялись и часто даже без него посещали незапираемую квартиру поэта: охранять квартиру Граве крепкими замками не было надобности: она была почти свободна от предметов, которые можно было похитить. К тому же в летнее время поэт выезжал (вернее: уходил) на дачу в село Высоково — пригород против Напольной улицы. В селе, в крестьянском доме, он снимал комнату.

Граве часто выступал экспромптом на суде по неизученному делу; ухватив в процессе следствия суть дела, он тут же составлял план защиты и выступал с речью, часто талантливой, неотразимой по обоснованности доводов и очень редко проигрывал дела. Клиентов у него было много, но платили ему кто что хотел, в этом отношении он был особенный человек и требовать не мог.

От его судебных успехов больше всего выигрывала уличная детвора: в дни выигранных процессов и получения гонорара, он щедро давал на гостинцы и ребята по несколько человек дежурили у его дверей, чтобы целой толпой бежать за бутылкой вина.

* * *

Восьмидесятые годы — времена губернаторства администратора-афериста Баранова, архиепископа Модеста — выходца из Волины, плохо говорящего

по русски, купцов Бугрова, Башкировых и других, — было время глухой озлобленной реакции. События 1 марта 1881 года положили на нижегородскую общественность свою тяжелую руку. Жизнь как бы замерла.

Печати в городе почти не было, если не считать «Нижегородского биржевого листка», в дальнейшем переименованного в «Волгарь», и ярмарочной газеты Пастухова «Нижегородская почта». Правда, были попытки со стороны местных земских людей, например, Гацисского, оживить (неофициальную часть «Губернских ведомостей», но эти попытки так и остались попытками.

В далеком прошлом — в 1864 году — была иная попытка: основать в Нижнем Новгороде первую частную газету. Организаторами этого дела были: чиновник Тихонравов, историк местного края семеновский мещанин Николай Храмовский и неслужащий дворянин Леонид Граве. Проектируемая газета носила название «Нижегородский вестник». Начинание это удостоилось получить из высших петербургских сфер следующую резолюцию, сохранившуюся в старых нижегородских архивах: «На удовлетворение ходатайства просителей согласия г. министра внутренних дел не последовало».

Редактор «Нижегородского листка» — Жуков — бывший волжский лоцман, полуграмотный человек. Ограждая себя и газету от неприятностей, он в каждом выпуске помещал передовую, посвященную великомученику, или святителю, память которого празднуется в это число. Его преемник — сын, заменив старое название газеты новым, в первых же номерах «Волгаря» выступил со знаменитой статьей «Купец все может» — своеобразным гимном волжскому капиталу, близким которому стал сам Жуков, женившись на дочери миллионера Башкирова. Газета до конца дней своих так и осталась «башкировской». Ее конкурент «Ярмарочная почта» — характерная бульварная газета. На первом месте ярмарочный роман, «Старый знакомый», «Синее домино» и т. д. Занимательное содержание с рекламой в тексте ярмарочных трактиров и публичных домов. Хлесткий фельетон за подписью «Сын

своей матери» — псевдоним впоследствии знаменитого Власа Дорошевича.

Ярмарочный печатный орган — тоже «Сын своей матери» — московской пастуховской газеты, а вместе все это составляло известное общественное явление, «пастуховщину». В дни, когда фактическим хозяином Москвы являлся генерал-губернатор князь Долгоруков, винному сидельцу Пастухову удалось получить от хозяина города разрешение издавать в Москве ежедневную газету. Последняя весьма быстро завоевала себе прочные симпатии дворянников, швейцаров, прислуги и, главное, купечества.

Пастухов при помощи грамотных людей из литературной богемы приступил к составлению и печатанию занимательного уголовного романа «Разбойник Чуркин». Каждый фельетон этого романа заканчивался необыкновенно интересно. Чуркин то попадал в руки полиции, то подвергался опасности быть убитым. В решительный момент автор ставил точку и писал после нее два слова: «Продолжение следует».

Заинтересованный читатель с нетерпением ждал этого продолжения. Около романа группировалась уже масса читателей. Тираж газеты рос неизменно, ширился и доходный отдел объявлений. Чем бы закончилась история с разбойником Чуркиным, сказать трудно, но в один сумрачный для Пастухова день генерал-губернатор Москвы пригласил редактора на аудиенцию. Результат последней был краток: «Чтобы у меня завтра же поймать и уничтожить разбойника Чуркина» — заявил хозяин столицы.

— «Слушаюсь, ваше сиятельство», — последовал почтительный ответ редактора. На утро разбойника Чуркина поймали, судили и сослали в Сибирь, откуда он не имел права вернуться до самой смерти князя Долгорукова.

Интересный роман кончился, но у газеты уже была своя публика, свой большой круг читателей. Последние не отвернулись от своего любимого газетного листа, Пастухов начал готовить новые романы, приносившие по своему содержанию к вкусам читателей. Помимо занимательных романов, газета все свои отделы строи-

ла на угождении низменным вкусам читателей.

Такова была московская пастуховская газета и, конечно, «Почта», оперируя на нижегородской ярмарке, мало чем отличалась от своей мамыши — газетной распутницы.

На близость с «Московским листком» Граве толкнули тяжелые жизненные условия, в которых поэт находился перед смертью. Попытки Граве связаться с симпатичными ему по духу радикальными журналами «Отечественные записки» и «Дело» — успеха не имели. Редакции давали место преимущественно тому, что носило определенный протестующий или гражданский оттенок. Путь к «Московскому листку» и его руководителю Пастухову был тяжел, но Граве пошел по нему. В сохранившемся письме Граве к фактическому редактору газеты Ф. К. Иванову он пишет: «Дела мои так плохи, что мне не до стихов. При этом я не могу иногда по целым месяцам написать ни одной строчки — так уж устроен».

Удивляюсь поэтам (да я и не поэт вовсе), обладающим такой счастливой организацией, которая позволяет им постоянно находиться под наитием вдохновения, меня оно посещает очень, очень редко.

Я давно уже помышляю о том, чтобы подать Аполлону прошение об увольнении меня в чистую отставку: совестно инвалиду, да еще не имеющему за собой никаких заслуг в прошлом, занимать неподобающее ему место. Я совсем болен и страдаю бессонницей. Это обстоятельство дает мне возможность иногда брать в руки перо для того, чтобы написать что-нибудь, кроме деловых бумаг. В последнее время мне пришлось в голову брать темы для стихотворений из русской истории, придерживаясь в них буквы летописей относительно точного описания лиц и событий, не искажая их и не прибавляя к ним ничего лишнего. Я нахожу это удобным потому, что такое сочинительство не требует фантазии, а может быть популяризация родных бытописаний и полезнее индивидуального нитья. Посылаю первый опыт этого рода: «Падение Киева». Если он пригодится, то пришлю сейчас же несколько стихотворений из истории Владимира и Александра Невского.

Кстати, в 1889 году будет праздноваться 900-летний юбилей крещения Руси. На эту тему я уже начал писать стихотворение, которое пришло в редакцию в великом поспе, пускай лежит у вас до времени. Даю слово употребить все силы, чтобы заслужить амнистию, которая выразится на первых порах высылкой мне, по примеру прежних лет, «Московского листка» Николаю Ивановичу (Пастухову), Виктору Ивановичу (сыну Пастухова), Аполлону Федоровичу и всем, кто меня вспомнит, прошу передать мой поклон».

Здесь поражает униженный тон и поклоны хозяевам, характерные для опустившегося человека. И тут же чудные яркие блески стихов, рассыпанные, как нежные цветы по полю... ярмарочной газетной распутницы.

Вот заключительные строки стихотворения, посвященного другу, такому же горемыке, как и сам Граве, — поэту-ярославцу Л. Н. Трефолеву:

Наша жизнь — одно мгновение:

И печаль, и наслажденье —

Призрак роковой.

День наш тихо догорает,

Ночь немая одевает

Небо черной мглой.

Но, мой друг, в ее молчаньи

Смерти грозное призванье

Не встревожит нас.

За приют холодный тленья,

За покой самозабвенья

Выпьём в добрый час.

* * *

Ярмарка 1890 года.

Это была последняя ярмарка в жизни поэта. Последним его ярмарочным стихотворением была торжественная ода, посвященная губернатору ярмарки генералу Баранову по случаю «неудавшегося покушения на драгоценную особу его превосходительства».

«Барановский период» в жизни города и ярмарки — яркая полоса произвола, насилия, шантажа и издевательства.

Когда больной, нищий и, может быть, опьяневший Граве писал свою прискорбную лживую оду «по поводу неудавшегося покушения» на «драгоценную жизнь» всесильного правителя края, поэт прекрасно знал, как это знали и другие, что никакого покушения не было, что оно было талантливо и

сценировано самим Барановым, но писать было надо, хотя и с опозданием.

Биография генерала Баранова интересна и поучительна.

В самом начале своей карьеры генерал Баранов в чине капитана 2 ранга прославился на весь мир боем вверенного его командованию небольшого парохода «Веста» с турецким броненосцем в 1876 году. Бой происходил на Черном море и закончился, по донесению Баранова, полной победой «Весты». Вражеский броненосец был потоплен, а русское судно с командой и начальством осталось целым и невредимым.

Реляция о победе породила торжество по всей стране. Герои получили щедрые награды, а Баранов и его помощник лейтенант Рождественский — будущий герой Цусимы — георгиевские кресты. Прошло некоторое время... и вдруг заграничные газеты сообщили, что никакого сражения на Черном море не было, а просто «Веста», увидав турецкий броненосец, благоразумно детировалась.

Что же касается крестов, полагающихся по статуту о награждении орденами за потопление в бою неприятельского судна, то здесь, повидимому, недоразумение и ошибка, так как не было ни боя, ни потопления, а броненосец без всякого ремонта плавает до сего по водам Черного моря.

Трезвая справка произвела надлежащее действие: героев «Весты» отдали под суд, но из-за опасения скандала суда не было. Их просто сместили.

После «Весты» Баранов был как бы в немилости у правительства, но события 1 марта 1881 года отразились на его судьбе более чем благоприятно. Бывшие в милости ушли вместе с Лорисом в отставку, а из немилости люди выдвинулись.

Баранов в новом царствовании получил пост петербургского градоначальника. Здесь он оскандалился, допустив нетактический прием в столкновении с братом царя великим князем Владимиром Александровичем. Последний, как и большинство великих князей, любил пьянствовать. В облюбованном шикарном ресторане он с компанией засиживался до утра.

Царь Александр III держал своих родственников в ежовых рукавицах и,

узнав о регулярном пьянстве великого князя, приказал градоначальнику Баранову прекратить торговлю в ресторане в неурочное время.

В первый же очередной великокняжеский кутеж Баранов приехал в ресторан в неурочное время и застал там в отдельном кабинете всю компанию, бывшую уже в самом веселом настроении.

Градоначальник просит разрешения войти. Его впускают в кабинет, где Баранов и передает хозяину пира — великому князю — состоявшееся распоряжение царя.

«Любезнейший генерал, прошу» — говорит князь, дружеским жестом приглашая градоначальника садиться за общий стол.

Баранов не рассчитал и присел. Это его и погубило. Пока он был как градоначальник и исполнял царский приказ, с ним считались, но, когда он уселся за стол, как гость и член компании его тут же проучили.

Жена князя — Мария Павловна — взяла со стола громоздкую вазу со свежей икрой и опрокинула икру на лысеющую голову градоначальника.

Баранова, после этого громкого скандала, перевели в Архангельск, а оттуда в 1883 году в Нижний Новгород на должность губернатора.

В погоне за шумихой, самопрокламой были скрыты истинные мотивы покушения на жизнь генерала Баранова 21 августа 1890 года.

Уволенный со службы писец канцелярии макарьевской городской части Владимиров, добившись личной, по секретному делу аудиенции у генерала Баранова, выстрелил в последнего из револьвера, но не попал. Это — официальная, протокольная правда, — а вот отметка бытописателя.

«Злодейская пуля коварного злоумышленника, дерзновенно проникшего в кабинет блестящего генерала, героя «Весты», чуть чуть не поразила его. Пролетев мимо геройской груди на расстоянии двух пальцев, ударилась в стену, но по какому-то капризу не вошла в нее, а отскочила и ударилась о другую стену и опять-таки, не оставшись в ней, отскочила. Обессиленная рикошетами пуля имела все-таки возможность глубоко вонзиться в паркет-

ный пол, оставшись там в качестве улики загадочного преступления».

Пуля застряла перед столом, за которым сидел блестящий генерал, отсюда все тот же вывод: или стрелял он сам, или ктонибудь выстрелил из-за его спины.

«На другой день» — захлебываясь от восторга преданности и почтения, писала газета Пастухова, — «преосвященный от лица нижегородского духовенства, члены ярмарочного и биржевого комитетов в полном составе явились с изъяснением радости, что бог спас его превосходительство от смерти. От многих групп ярмарочного купечества поднесены адреса. Отдельных лиц, принесших поздравления, сосчитать невозможно. В кабинете генерала перебивали все лица как высокопоставленные, так и принадлежащие к именитому купечеству. Все это доказывает, как горячо и сердечно ярмарочное и городское население любит и уважает его превосходительство, которого бог спас от руки злодея».

Конечно, у Баранова состоялся завтрак, на котором начальник гарнизона, губернаторский противник, остроумно и зло поздравил «героя» «Весты» с «новой победой». В тот же день к Баранову посыпались поздравительные телеграммы от высших сановников, была телеграмма и от министра внутренних дел, но сдержанная, холодная.

Прислужники бравого генерала пытались придать всему этому делу высоко политическое значение, указывали, что писарь Владимиров был из фамилии пензенских дворян Каракозовых, переименовавшихся во Владимировых после покушения 4 апреля 1866 года, но это оказалось неверным.

У мнимого убийцы Владимирова была сестра-фельдшерица, девушка замечательной красоты, обратившая на себя внимание помпадур. По поводу ее Владимиров имел объяснение с Барановым секретно и в неурочное время. Владимиров, конечно, и не подозревал, что его горячие протесты могут быть превращены в страшные факты политического убийства.

В секретных делах местного архива есть сведения, что Баранов, одумавшись, или же вынужденный следствием одуматься, всячески заботился о заключенном в тюрьме Владимирове и да-

же... официально ходатайствовал об его освобождении.

На это-то событие опустившийся Грабе и откликнулся одой.

Он жив. Нежданна и близка
Герою снова смерть грозила,
И снова господя рука
Ее удар остановила.
Не раз взволновано грозой
Под ним, клубясь, шумело море.
Он уцелел, с волнами споря,
В волненьях битвы роковой.
Не содрогался он душой,
Не падал он перед врагами
И знамя родины святой
Венчал победными венками.
Немного доблестных имен,
Немного доблестных деяний
Из тьмы губительных времен
Спасут столбцы бытописаний.
Он не умрет: во мгле немой
Героя имя не утонет
И беспощадною рукой
Его забвение не тронет...

Баранов находился в Нижнем еще семь лет: в 1897 году его уволили, сдав в архив администраторов: в сенат, откуда он не поднялся на верхи правящей жизни. Имя героя «Весты» уже утонуло и безвозвратно «в немой мгле»: он забыт.

Старый купеческий Нижний начал перестраиваться поздно: с выставки — до 1896 года это был средний провинциальный город, с непролазными окраинами, керосиновым освещением на главных улицах, с Звездинскими и Острожными прудами, не просыхающим болотом — Ковалихой, Ярилом — местами уличных боев — драк «стенка на стенку», с блаженным Игошей — «смерть в кармане» и темными каменными глыбами купеческих домов на Ильинке.

Здесь что ни дом, то история капитала. Мрачные каменные громады — очевидцы темного прошлого. Вот двухэтажный, весь в больших окнах — их более сорока — дом особняка купчихи Марковой Агнии Николаевны — вдовы рыбного короля, оставившего ей после смерти до 10 миллионов капитала.

— Сегодня банк закрыт — говорят на бирже.

— Праздник что ли?

— Марковой купоны стригут. Число

подошло ренту обрезать. Тоже ведь не шутка в один день на двести тысяч настричь. Всех служащих и засадили за работу. Через полгода опять стричь будут, еще двести тысяч... И так из года в год. Проживая десятую часть своих доходов, Маркова неуклонно умножала свой капитал. В свою церковь она заказала царские врата из кованого серебра и весь город говорил об этой жертве. Она искренно горевала, узнав, что ее близкий родственник самодур Рябинин - миллионер, скупщик павловских изделий — решил покрыть свой дом золотой крышей. Местные власти это ему не разрешили, но решетку около своего дома на той же Ильинской улице все-таки вызолотил.

Ее старший сын Анатолий спился в молодости. Урывая у скупой матери гроши, он был ежедневным посетителем притонов, низкосортных трактиров, где пьянствовал в компании темной публики. Умер он от чахотки. Анатолий Марков был из той группы купеческих сыновей, которые дали М. Горькому материал для создания «Фомы Гордеева», купеческих сыновей старого Нижнего, «неудовлетворенных жизнью и работой своих отцов, смутно чувствовавших, что в этой однотонной, томительной бедной жизни мало смысла».

В темные осенние вечера в наружных окнах домов этой улицы почти никогда не бывало света. Отдельные огоньки, как ночники, мерцали в сторону к надворным постройкам в жилых хозяйских покоях. В девять и никак не позднее десяти часов, свет погасал и здесь, весь дом погружался в темноту. Железные ворота еще с вечера запирались тяжелыми висячими замками, злые, верные собаки спускались с цепей, и сторожа — тоже злые и верные — закутавшись в теплые тулупы, забывались чуткой дремотой. Изредка, в просоньях они колотили в железный лист, или ударяли в трещетку, давая хозяевам знать о своем существовании.

О богатстве Марковой, об ее миллионах в народе ходили легендарные слухи и толки. Ее капиталы определяли чуть ли не в сорок миллионов.

Известный нижегородский буян и крикун, раззорившийся парходчик Сироткин, отец городского головы Дмитрия, Сироткина, был человек откровен-

ный, нестесняющийся. На купеческих сбирницах у «блиновского» садика он открыто обвинял в своем раззорении «жулика Митьку» — своего сына.

Про Маркову старик говорил:

— На Волге только два человека не кредитуются: Маркова да я. У Марковой миллионы, ей денег не надо, а мне не дают.

Таковы люди старой Ильинки.

А как создавались темные купеческие миллионы?

Как мог обыкновенный «справный» мужик Марков в короткий сравнительно срок нажить громадные богатства и оставить своей жене до десяти миллионов?

Вот рассказ о том, как уже сама Маркова и ее доверенный Беззубиков в девяностых годах на астраханских своих промыслах устроили рыбные кладбища.

Рассказ этот дает картину хищничества старого нижегородского купечества, рисуя способы, при которых быстро создавались миллионные богатства.

Год был исключительный по улову. Обла шла по всем рукавам «косяками». Площадь оборудованного рыбного хозяйства, взятого нижегородцами в аренду у петербургского генерала Базилевского, размещалась на участке, невиданном по размерам: сто двадцать семь тысяч десятины воды и земли.

Девять рыбы было некуда. Для дела оказалось выгоднее часть этой рыбы уничтожить, бросить обратно в море, зарыть в землю. Выбрали последнее.

Уничтожать, сокращать так или иначе богатый улов было в обычае среди рыбаков. За известную мзду местному начальству такие дела сходили с рук сравнительно благополучно, но на этот раз Беззубиков очень понадеялся на свои силы и миллионное могущество своих хозяев. Перед тем как открыть рыбное кладбище, он уволил с промыслов доктора и фельдшера. Последовал донос. Вмешался Петербург, почуяв богатую добычу. Быстро была образована особая комиссия во главе с праздноватошатающимся полусумасшедшим принцем Ольденбургским — заграничным выходцем, пристроившимся для особых поручений к родственному русскому двору.

Принц по тогдашним временам фигура крупная, сообразно с этим была назначена и цена за ликвидацию дела.

Она обошлась Беззубикову около двухсот тысяч рублей. Ловкий, оборотистый коммерсант не жалел хозяйских денег. Взятка сблизила его с всемогущим принцем, и в то же время он из доверенных превратился в хозяина промыслов.

Беззубиков припугнул сырую купчиху Маркову судом за устройство кладбищ. Расчет его оказался верный: хозяйка отказалась в пользу своего доверенного от двенадцатилетнего контракта на аренду участков.

Прошли года. Новый владелец в свою очередь стал миллионером. Участки заарендовал на новые сроки и перед войной промысла превратились в колоссальное хозяйство.

Одного подоходного налога в казну Беззубиков стал платить 5 миллионов рублей в год. И это по расценкам сниженным, благодаря деньгам и влиянию.

Так создавались миллионные состояния. Неудивительно, что в это глухое, мрачное время такие люди, как Граве, находили обильный материал для своих стихотворений о местных событиях.

Рисую жизнь большого купеческого города и его типичных обывателей и администраторов, Граве свои бичующие стихотворения в общей прессе помещать, конечно, не мог, и они появлялись в рукописях, переписывались и читались публикой с захватывающим интересом.

Восьмидесятые и девяностые годы прошлого столетия были вообще временем рукописной обличительной литературы. Вся российская печать под давлением жуткой цензуры молчала как бы обескровленная. Но мысль протестующая, обличительная искала выхода, общения с публикой, претворялась в рукописные памфлеты, которыми обыватели зачитывались...

На темы русской политической жизни было написано неизвестным автором стихотворение «Эхо», едко высмеивавшее бюрократическое управление страной приближенными царя Александра III, его любимцами — министрами. Вот это стихотворение:

Целый год министры
Разъезжают быстро
С края и до края,
Все обозревая.
Вышел вам, вельможи,

Промысел отхожий...
При больших прогонах,
Даровых вагонах
Царские вам встречи,
С хлебом-солью речи,
Пышные оваии
И иллюминации.
А народу, поглядишь,
Из об'ездов вышел шиш...
А быть может хуже,
Скрутят еще туже.
Но чтоб зря нам не гадать,
А наверное узнать —
Ждать ли нам успеха,
Спросим лучше эхо.

Начинается опрос эхо.

Что у вас министры были?

Были.

Ваши нужды рассмотрели?

Ели.

Ну, на чем же порешили?

Пили.

Вышнеградский приезжал?

Жал.

Общий кризис разобрал?

Брал...

Чем закончил разговор?

Вор...

Много дал вам на бакшиш?

Шиш...

В просвещеньи есть успех?

Эх...

А в хозяйстве и в лесах?

Ах...

Разве так Островский плох?

Ох...

О Ванновском какой слух?

Ух...

Как нашли вы контролера?

Ера...

Прокурора от небес?

Бес...

Много сделал Гюбенет?

Нет...

Значит вышла ерунда?

Да...

Ждете ль снова на весну их?

Ну их...

Стоило ли принимать их?...

Последнее эхо очень звучное и четкое, но несколько неудобное для приведения его в печати.

Графу Толстому, министру того же царствования, посвящаются следующие строки:

Большой сумбур российских дел
Толстой исправить захотел...

В помощники правленья своего
Он взял зайку Гилеве, Дурново.
Но что же? И при них Россия не
толстеет.
А заикается, плюется и дуреет.

Л. Т. Граве — автор ряда шуточных стихотворений. У него есть, например, поэма «Кохноиада», сюжетом которой было происшествие, в свое время надевавшее много, много шума в судебском мире.

Граве писал эту поэму, сидя в арестном доме, отбывая двухнедельное заключение по приговору суда. Он был обвинен в самоуправстве, которое проявил, защищая интересы своего клиента. В Кстове была арестована за долги баржа его доверительницы, последняя должна была уплатить большую неустойку, если баржа не придет в Нижний к определенному сроку. Граве зафрахтовал пароход и прибыл лично в Кстово, забуксировал баржу и привел ее к сроку в Нижний. Это ему и поставлено было в вину, как самоуправство.

Поэма начинается так:

Пою деяния Кохнова.
Моим устам, о, муза, дай
Живое пламенное слово.
Весь мир, в молчании внимай.

Уже пять знаков Зодиака
Прошел блестящий солнца шар
И, поместясь в созвездьи Рака,
На землю льет палящий жар.

Во всем, чему дано дыханье,
Как лава, закипела кровь,
Проснулись грешные желанья
И плотоядная любовь.

Кохнов, ты также ошалел
От воспаляющего жара,
И чад любовного угара
Твоей душою овладел.

После жаркого, томительного дня
настает ночь:

Как прачка после стирки долгой,
Уснула Балахна над Волгой...
Начальство спит, собаки спят,
Как будто вымер сонный град...

Далее в поэме описывается, как Кохнов, прибывший в Балахну по делу и остановившийся в доме своего приятеля, под влиянием «воспаляющего жара» вздумал разыграть сцену из

пушкинского «Графа Нулина», учтя отсутствие мужа хозяйки дома, приютившей присяжного поверенного.

Кохнов ряд комнат пробегает,
Ярясь, как уязвленный зверь,
И в будуар хозяйки дверь
Рукой преступной отворяет...

Финал этого ночного путешествия такой же, как и у Пушкина:

Сгорел граф Нулин от стыда,
получив пощечину от гневной дамы.

Кохнов также, получив оскорбление действием, вынужден был спасаться бегством, оставив той же ночью дом гостеприимных хозяев.

Наступает утро, красиво описанное Граве:

Аврора алою рукою
Впрягла блистающих коней.
И вот дорогой голубою
Поехал Феб над Балахною
В сияньи утренних лучей.

Поэма заканчивается скандалом, устроенным Кохнову оскорбленным мужем балахинской дамы, а затем описывается и судебное дело, как результат скандала.

Полностью «Кохноиада» не сохранилась и отрывки ее мы восстанавливаем по памяти людей, близких покойному поэту. После смерти Граве поэма была взята одним приятелем автора — известным московским присяжным поверенным Плевако, копию снять не догадались, а приятель умер. Наследники Плевако о поэме забыли, или же ее утратили.

Горбатовский дворянин Обтяжнов (известный черносотенник) в разговоре с другим дворянином Авилковым назвал Граве «первым дураком». Граве ответил стихотворением, написанным тут же в компании и носившим характер экспромпта.

Вот содержание этого стихотворения:

Ох, устал я. Тридцать лет
Протянуть не шутка.
У меня уж лиры нет,
А осталась дудка.

И не звучен голос мой,
Для райка и только:
Каватины ни одной,
Все трепак да полька.

Прежде слали знатоки
Мне рукоплесканья.

Снились в будущем венки...
Тщетны ожиданья...

Ныне беден я умом,
Беден я и златом,
Перестал я быть певцом.
Стал я адвокатом.

В чемодане я отрыл
Старые тетрадки
И вздыхая повторил
Первые начатки.

А. В. С. обоих прав
Вспомнил по латыни
И купил себе устав
В книжном магазине.

Фрак надел и на судах
Вру я без умолку.
В адвокатстве, как в стихах,
Тоже мало толку.

Даже в сонме дураков
Первым быть не вправе:
Есть Авилов, Обтяжнов,
А потом уж Граве.

Есть шуточное стихотворение про нижегородского судью Сапожникова. Этот судья многие годы судил в Канавине, любил простоту в процессе, очень часто острил, вообще судил по домашнему, применяя предоставленное ему законом «усмотрение». Копировал по части шуток и остроумия известного петербургского судью Трофимова, хотя значительно уступал последнему в находчивости и остроумии. В общем, по отзывам старожил, был человек не злой, скорее добрый.

Стихотворение, описывающее похождения воробья в камере мирового судьи, приписывается Граве. Вот содержание этого стихотворения:

Все тихо. Суд творит старейший из судей.
Вдруг чудо из чудес — вся публика дивится:

В открытое окно влетает воробей,
Парит по камере и на судью садится.
Почтенного судью объял невольный страх.
Бледнеет и дрожит, бросается со стула.
Кричит в испуге: Ах! Но птичка не вспорхнула —

Она запуталась в судейских волосах.
Тут окологородный, не воин знаменитый,
Спешит, и с воробьем вступает в бой
открытый.

Одно мгновенье, и воробей в руках.
Победа. Торжество. Почтенный судья
На радости такой прощает воробья.
И улетел от нас предвестник страшных

бед,
Лишь на главе судьи оставил птичий след.

Портрет Граве, как злободневного нижегородского стихотворца, будет не закончен, если мы не отметим, что его сатира положила начало образованию целой группы нижегородских поэтов-злободневников, писавших свои более или менее удачные стихи по поводу событий местной жизни. К числу таких должны быть отнесены: А. П. Поспелов — служащий купеческого банка, Ф. Е. Приспешников — бывший служащий общества «Дружина», а затем мелкий пароходчик и домовладелец с Большой Покровки.

Поспелов был довольно грамотный человек. Его стихи помимо удачной рифмы были образны, колоритны. Темы стихов — общественные события: выборы в старую думу, портреты местных деятелей, крупные общественные скандалы, события.

Приспешников не обладал поэтической способностью. Он бросал краткие рифмованные строки, остроумно объясняя в них часто значительные события:

Пиши, брат, про всякого,

Да не про Башкирова Якова, —

говорил он, как-то после выставки одному местному газетному сотруднику по поводу фельетона последнего о мукомле Башкирове.

— Почему не писать? — удивился сотрудник. У Приспешникова в ответ новый каламбур в стихах:

Гремит слава трубой,

Он торгует здесь мукой...

Приспешников был человек со средними, часто выпивал, покучивал. Во время выпивки занимался чудачеством. Выходя из своего дома на углу б. Большой Покровки и Грузинского переулка, он считал необходимым снять с работы всю биржу легковых извозчиков.

— До заходякинской пивной по двугривенному каждому, — рядил он биржу.

Извозчики шагом направлялись по Большой Покровке за идущим по тротуару Приспешниковым. С Покровки сворачивали на Осыпную и у пивной Заходякина — излюбленное место свидания интересных людей нижегородского прошлого, выстраивались в ряд.

Двигаясь гусем по дороге, процессия извозчиков обращала на себя внимание публики, тем более что на вопрос последней с предложением работы, извозчики все гурьбой отвечали:

— Заняты...

В пивной Приспешников угощал извозчиков и своих знакомых пивом и читал свои стихотворения, отвечая на вопросы рифмованными строками.

Стихи Пospelова имели большой круг читателей и расценивались выше.

Стихи читались в думе, на бирже, в клубах, в пивных и трактирах. Сам поэт не скрывал своего авторства...

Плотный, белый с выпученными рачьиими глазами, сидя с компанией за столом в пивной, Пospelов громко хохочет, перечитывая публике свои стихи. Его круглые глаза искрятся веселым смехом, а толстые надутые щеки вздрагивают и порой трясутся, как кисель.

Одет он в широкое горохового цвета пальто с хлястиком, на голове плюшевая шапочка, из под которой выбиваются пряди белесоватых волос...

Вот отрывки из поспеловских стихов на выборы в думу:

Взволновался город Нижний,
ВстрепенулсЯ сонный град,
Обыватель дальний, ближний
Всяк кричит на разный лад...

Дальше описывается, как купец Николай Башкиров выдвигает в думу городского голову Соболева.

Башкиров начинает перечислять заслуги своего кандидата, что последний сделал для города, прослужив городским головой.

Обложил откосы дерном,
Берег камнем уместил
И в пруде вонючем Черном
Тридцать тысяч утопил.

Понастроил будки-склады,
Иудейские ряды,

И навесы без ограды
Золоторотцам для еды.

А на тех навесах шутки
Все сам Жуков написал.
Поговорки, прибаутки
Яркой краской малевал.

Жуков И. А. — редактор-издатель «Нижегородского биржевого листка». Ему было поручено, как знатоку волжского быта, составить редакцию надписей в «Обжорном» ряду на балчуге. Из надписей Жукова долго сохранялись: в помещении столовой и на общественном уличном ретиреде. На стенах столовой он написал: «хлеб-соль кушай, дураков не слушай». «Рядись — берегись, давши слово — крепись». А на ретиреде: «За малым делом подходи, большого дела не моги».

Свое предложение о кандидате Соболеве купец Башкиров заканчивает так:

Почитая те заслуги,
Мы, в трактире выпив раз,
Порешили ему, други,
Быть почетному среди нас...

Обыватели не согласны. Тогда начинают предлагать других кандидатов:

— Ну аршинника возьмите...

Аршинник — мануфактурный торговец Д. М. Бурмистров, женатый на миллионерше В. М. Рукавишниковой, построившей в Нижнем дворец на бывшей Жуковской улице с громадным садом с оранжереями, занимавшими целый квартал.

Избиратель предложение отвергает:

Нет, аршинник нам не нужен.
Будет мерить по вершкам,
Да к тому же крепко связан,
Он женою по рукам.

Предлагается новая кандидатура — одного из пяти братьев миллионеров Рукавишниковых:

Все они родные братья,
По родству, уму, деньгам.
И любого, без изъятья,
Отдаем на выбор вам.

Обыватель возмущен:

Вот спасибо, одолжили...
Вы взамен градских голов
Нам в насмешку предложили
Пять потомственных ослов.

В виду полного раскола собрание решило «избрать 7 молодцов», снабдить их фонарями и пустить в город искать, нет ли парня подельней...»

В 1891 году, в Нижнем Новгороде проворовался Александровский дворянский банк. Директора-дворяне были посажены в тюрьму, один из них, главный заправил Д. И. Панютин, не дождавшись суда, отравился в тюрьме. А. П. Пospelов отзывается на эту злобу дня стихотворением:

У дворянских ворот

Собирался народ

Густо.

Говорят, что в казне

Совершенно вполне

Пусто и т. д.

В стихотворении отмечаются все деятели истории и роль каждого.

* * *

Игоша... (смерть в кармане...)

Кто из старых нижегородцев не помнит Игошу, у кого в памяти не сохранилась эта длинная тощая фигура «блаженного».

«Это был высокий, сухой и копченый человек», — пишет об Игоше М. Горький в «Детстве». В тяжелом тулупе на овчине, с жесткими волосами на костлявом, заржавевшем лице он ходил по улицам согнувшись, странно качаясь и молча упорно смотрел в землю под ноги себе. Его чугунное лицо с маленькими глазами внушало мне боязливое почтение, — думалось, что этот человек занят серьезным делом, он чего то ищет, и мешать ему не надобно.

Мальчишки бежали за ним, лукавая камнями в сутулую спину. Он долго как бы не замечал их и не чувствовал боли ударов, но вот остановился, вскинул голову в мохнатой шапке, поправил шапку, судорожным движением руки и оглядывается, словно только что проснулся.

— Игоша, смерть в кармане. Игош, куда идешь. Гляди, смерть в кармане, — кричат мальчишки.

Он хватался рукой за карман, потом, быстро наклоняясь, поднимал с земли камень, чурку, ком сухой глины и, неуклюже размахивая длинной рукою, бормотал ругательства. Иногда он гнался за ними, прихрамывая: длинный тулуп мешал ему бежать, он падал на колени, упираясь в землю черными руками, похожими на сухие сучья. Ребятишки садили ему в бока и спину камни, наиболее смелые подбегали вплоть и отскакивали, высыпав на голову его пригоршни пыли.

Такие сцены в старом Нижнем можно было наблюдать ежедневно. Видел их и Граве: добрый и сердечный поэт всегда становился на сторону обиженного и брал Игошу под свою охрану и защиту.

Ребятишки отогнаны энергичным жестом. Взяв под руку упавшего, больного старика, Граве помогал ему встать на ноги, а затем перед удивленными нижегородцами, обывателями и наблюдающими издали и притихшими ребятишками ярко вырисовывалась незабываемая живая картина-группа:

Высокий, с большой полуседой бородой, в шляпе и крылатке Граве под руку с длинным, сухим, согнувшимся стариком блаженным, в нагольном тулупе.

Игоша что-то бормочет, но спокойно идет по самой середине улицы со своим избавителем. Оба высокие, худые, они возбуждали любопытство и улыбку прохожих. Каждый раз Граве доводил своего подзащитного до безопасности от нападения места.

Игоша очень любил Граве и при встрече с ним разгибал свою сгорбленную спину и целовал его в щеку.

Интересный случай на охоте на лося. Как водится на охотах-облавах, Граве в качестве участника получил определенный номер, на котором и ждал выхода животного. Случилось так, что лось вышел именно на номер Граве. Увидав добычу, охотник поднял ружье, чтобы выстрелить, но его поразил жалкий, испуганный вид затравленного лося. Вместо выстрела Граве опустил ружье, начал пугать лося и отгонять его в противоположную сторону от охоты. Лось благополучно скрылся. Охотники, узнав о таком неохотничьем приеме, смеялись над Граве, некоторые ругали его, а виновник скандала молчал и только как-то радостно улыбался. Ни на одну охоту после этого Граве не приглашали.

«Материальные условия последних лет его жизни были ужасны, — вспоминает дочь покойного поэта.

Сперва он получил плеврит, видимо, простудился еще больше, так как в сильный холод продолжал выходить в своей неизменной крылатке. Галош он не имел. Плеврит перешел в скоротечную чахотку. Он умирал на глазах, и

мы не могли ничем облегчить последние дни его жизни.

Мне сейчас больно говорить об этом... Я не могу об этом думать без слез.

Умер он 12 января 1891 года, вечером. Хоронить его было нечем. Устроена была складчина среди некоторых адвокатов — его старых приятелей: Красовского, Венского...

Был мороз... мы с матерью шли за гробом в чужих шубах, своих не имели»...

На похоронах Граве постороннего народа из города почти не было. И далеко, и холодно. Нижегородская интеллигенция, главным образом, адвокатура, нашла более удобным приехать на отпевание прямо в церковь.

У гроба, перед выносом, кроме близких родных, собралась молодежь — старая окраинная детвора и смена — ребята из соседних домов Напольно-Замковой улицы.

В рваных кацавейках, отцовских ста-

рых шапках, бабушкиных худых шалях, в башмаках, опорках и тяжелых с большой ноги валенках — стояла эта толпа у холодного трупа в холодной комнате.

От стужи и жалости, которая сжимала ребячье сердце при воспоминании о любимом дедушке, ребята шмыгали носами, а когда гроб понесли к выходу, шмыганье усилилось, переходя в детское всхлипывание.

А по ком ребяташки захныкали.

Тот наверно был доброй души...

На улице по дороге через крутые скраинные снежные сугробы толпа дошла до «серяковского» трактира и повернула в узкий Острожный переулок. Здесь в толпу бросился острый,жигающий ветер. Ребята дрогнули и, как стая воробьев, поднявшаяся тучей и разлетевшаяся по разным направлениям, разбежались по узким снеговым тропам вдоль обледенелых заборов к своим домам и флигелям.

